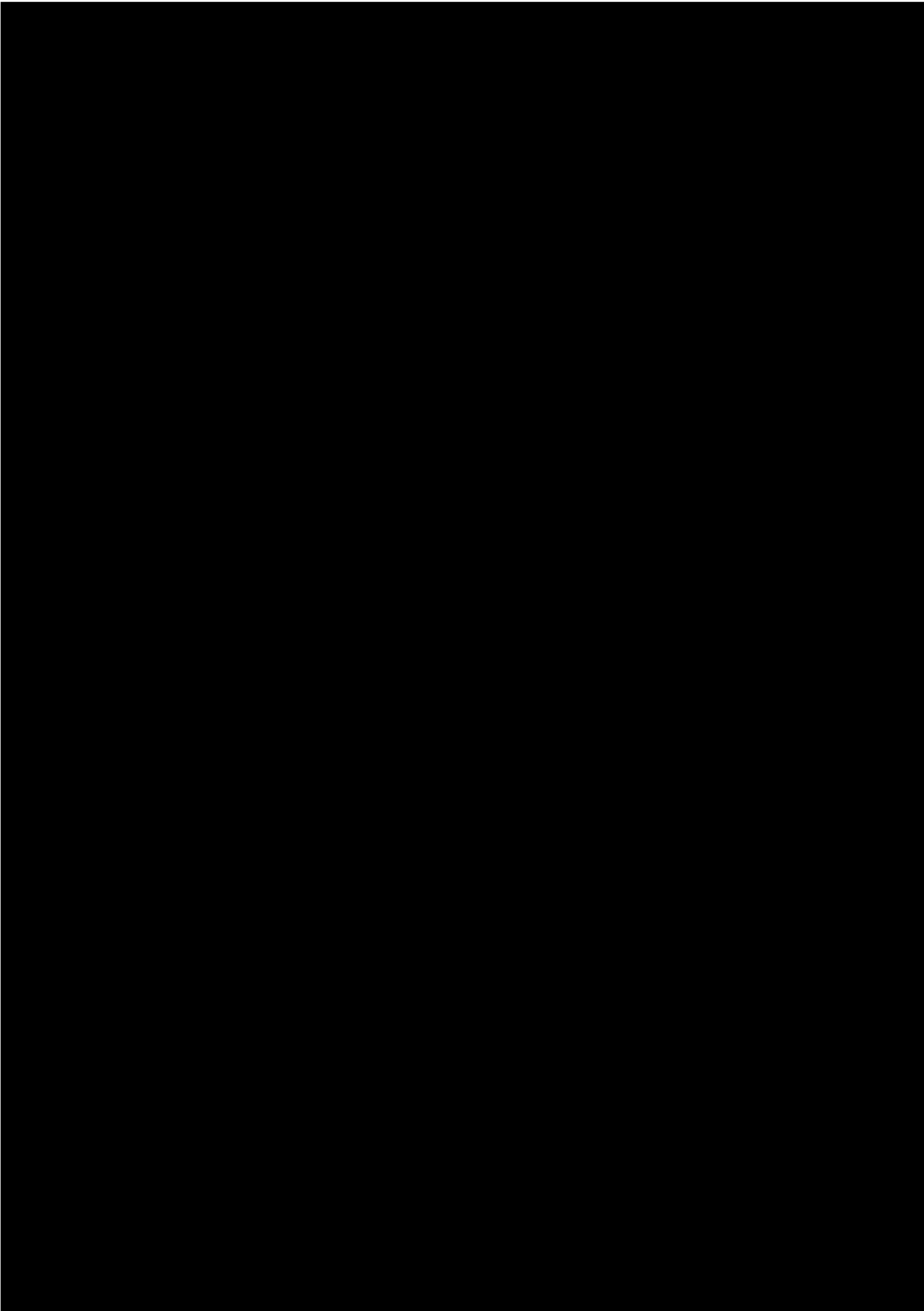

Ольга Попова

Многоточия...

«Accent Graphics communications»

2016

Попова О.

Многоточия... / О. Попова — «Accent Graphics communications», 2016

Как писал Владимир Набоков, “многоточия – это следы на цыпочках ушедших слов”... Часть слов ушла... Но оставшиеся, прирученные автором, послушно складываются в предложения и фразы, которые завораживают, заставляют думать и сопереживать, задевают эмоции и пробуждают самые разные чувства и инстинкты, с которыми хотелось бы справиться, но получается не всегда ... А получается, что можно выстраивать жизнь, в соответствии с поставленными целями, работать над собой, старательно вписывая её в определенные собою же, под влиянием обстоятельств, культуры и мнения других людей, рамки... Но в одно мгновение происходит нечто, обращающее все прежние установки в прах. И это нечто – настоящее, искреннее, живое чувство, способное изменить представления о жизни и саму жизнь. В представленной книге несочетаемые на первый взгляд ингредиенты смешиваются в единый, неразрывный – и оттого взрывоопасный – коктейль, обладающий на удивление оригинальным вкусом, оттенки которого каждый оценит по-своему... Возвышенная любовь и животная страсть, романтические фантазии, прочувствованная боль и повседневная быль... жизненные трудности и мистические происшествия, волшебные сны, которые разбавляют и дополняют действительность – всё это есть в романе, герои которого объединены не только общей реальностью, но и мистическим полем книги М. Булгакова “Мастер и Маргарита”, которая так или иначе – непосредственно или опосредованно – оказывает влияние на их жизни. Неразрывная связь духовного и телесного делает оттенки вкуса гораздо пикантнее, заставляя задуматься над природой чувств и желаний, возможностью их развития и воплощения... Отличная альтернатива книгам, делающим акцент на чём-либо одном – любви, сексе, философских размышлениях о жизни или её современных

реалиях... В этой книге всё перечисленное присутствует в равных пропорциях и каждый обнаружит что-то для себя. На страницах не найти готовых рецептов, – только напоминание о том, как важно иногда задавать вопросы, ответы на которые рано или поздно даст сама ЖИЗНЬ.

© Попова О., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

От автора	6
Вера. Юрист. Мама двоих детей. 32 года	8
Любовь, свободная от обязательств. Ландшафтный дизайнер. 32 года	11
Надежда. Домохозяйка. Мама двенадцатилетней дочери	13
Любовь. Острые ощущения	15
Вера. Остров несбывшихся желаний	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Попова

Многоточия... Часть первая.

Вера, Любовь и Надежда

С благодарностью:

Удивительной женщине и выдающемуся писателю Л. Васильевой за необъяснимую веру в мой творческий потенциал, литературные способности и жизненные успехи.

Моим подругам – Елене, Екатерине и Валентине за дружеское участие, незаменимую поддержку, полезные советы и конструктивную критику.

От автора

Все события – вымышлены. Любые совпадения в именах, названиях, датах и ситуациях – случайны.

Не смотря ни на что, жизнь продолжается... Я начинаю перечитывать те книги, на которых росла. Из которых, казалось бы, уже выросла. Но оказалось, в каждой их них для меня открылся новый смысл... Теперь я воспринимала любимых героинь, которые когда-то представлялись взрослыми и умудренными опытом, как молодых девушек и женщин, какими они и жили в воображении авторов.

Бесстрашная и упрямая Скарлетт О Хара, принципиальная и романтическая Татьяна Ларина, смелая и уверенная в себе Маргарита, не уступающая судьбе Мэгги, считающая любовь к земному мужчине выше любви к небесным ценностям; не теряющая присутствия духа Анжелика... Ищущая и нашедшая, Леди Чаттерлей, нашедшая и ушедшая Анна Каренина... Любимые женские образы, каждый из которых в той или иной степени остался где-то в памяти и повлиял на мою последующую жизнь.

Именно у них, а не среди сверстников и ежедневной рутины, я училась любви...

Мне мечталось о любви волшебной, необычной, той, что одна на миллион. Любви с грустинкой, с испытаниями, с длинной дорогой к счастью, опутанной колючими ветвями терновника... Мне казалось, что чем острее шипы – тем глубже раны – тем сильнее чувства и пронзительней песня...

"Бойтесь своих желаний, они могут исполниться" – выражение, ставшее народной мудростью, автора которого уже забыли... Действительно. Сейчас, если бы жизнь оставила мне способность мечтать, я мечтала бы о счастье. О взаимной любви. О спокойствии. Тогда хотелось эмоций – ярче, страстей – разрушительней, любви – одной на всю жизнь...

Героини сегодняшних подростков (и не повзрослевших взрослых) из фильмов «Голодные игры», «Таймлесс» и «Дивергент» куда более жёсткие и живые, но тем не менее привлекающие женской грацией и силой духа. Они учат действовать, а не страдать. Бороться, а не сводить счёты с жизнью. Побеждать, несмотря ни на что. Чтобы находиться рядом с такой девушкой, мужчина должен быть ещё более решительным, смелым и жёстким – но разве не о таком мужчине мечтала любая женщина: пятьсот лет назад, сто лет назад – или сейчас?

Я выросла с единственным желанием встретить Любовь. Это желание накладывало неизгладимый отпечаток на всё, происходящее со мной. Любое мероприятие казалось скучным, если не было человека, в глазах которого хотелось бы отражаться... Любая поездка казалась не интересной, если не было кого-то, имеющего потенциал к тому, чтобы стать

принцем из моей персональной сказки. Все мои поступки подчинялись одной цели – встретить Того самого, к ногам которого можно положить свою жизнь. О том, зачем она ему, я как-то не задумывалась. Ценность такого подарка, как я, казалось неоспоримой.

По другому жить не получалось – убийственный результат советского образования в сочетании с мечтательной натурой и подростковым желанием любить. Правда, стремление упасть к ногам со временем трансформировалось в желание видеть у своих ног. Результат разного рода психологических журналов, тестов и статей. В нашем обществе набирал обороты культ женской красоты, продаваемой за деньги...

Женские образы конца девяностых становились более глянцевыми, в повседневную речь вошло слово «гламур», и всё больше мужчин меняло проверенных – и потрёпанных – временем жён на молоденьких "гламурных" красоток. Родители друзей, имеющие доход выше среднего, разводились и обзаводились новыми семьями и детьми. «Красотка» с Ричардом Гиром и Джулией Робертс в главных ролях надолго стала моим любимым фильмом...

Постепенно времена менялись, в моду входили «интересные и успешные» женщины, которые что-то из себя представляли, чувствовали свою ценность и значимость и добивались успехов в любимом – или нелюбимом – деле. Ключевое слово здесь – успехов. Любимый фильм – "Основной инстинкт" с Шэрон Стоун...

И всё же, женские образы, впитанные в юности, сохранялись в памяти наиболее отчётливо. Хотя читала я много, нигде не попался мне такой же яркий характер, как у Скарлетт О Хара, такая же безудержная смелость и отречение, как у Маргариты, такая же непосредственная уверенность в своём праве на любовь, как у Мэгги. Может, дело в том, что настоящая литература почти целиком и полностью принадлежит – и всегда принадлежала – мужчинам, декларирующим монопольное право рисовать образы современности?

Связано ли это с меньшей литературной одаренностью женщин или с банальным отсутствием времени, – которое нужно делить со своим мужчиной и детьми, – чтобы реализовать заложенный природой потенциал?

Героя «DYXLESS» провозгласили героем нашего времени, но только литературный портрет героини современности так и не нарисован...

У каждого персонажа моей книги – своя история, свой мир, свой взгляд на мир и ценности этого мира, своя правда и истина, которая не может быть единой для всех. Свой путь... Дорога, по которой каждой героине предстоит пройти... пройти, чтобы понять – иногда жить стоит просто ради того, чтобы жить...

Вера. Юрист. Мама двоих детей. 32 года

Мир не делится на белое и чёрное, как ни крути. В нём есть место и для пятидесяти оттенков оранжевого, и семи цветов радуги и более миллиона различных тонов и полутонов... Мир вокруг и внутри, в глубине души каждого из нас...

Так размышляла Вера, пока стояла в привычной пробке на МКАДе. Возможно, эти вынужденные многочасовые простаивания и нужны для того, чтобы в бешеном ритме города найти время для общения с друзьями, пусть даже по телефону, и для того, чтобы задуматься о важных вещах...

«Всё будет правильно, на этом построен мир», – писал Булгаков в бессмертном романе «Мастер и Маргарита»... Вера мечтала писать... Но все её писательство сосредоточилось в мерцании строк на сайте «Stihi.ru», где подобные ей псевдо-писатели выкладывают на всеобщее обозрение свои произведения, не гнушаясь заимствовать друг у друга мысли и чувства. Часто можно было встретить с просьбой автора не отождествлять его с лирическим героем... Смелости заявить о своих чувствах открыто хватало лишь у небольшой малости здешнего населения...

Вера заглянула на страничку к старинному «стихирному» приятелю. Они зарегистрировались на сайте почти одновременно и уже седьмой год периодически обменивались мыслями о жизни... последние его рифмованные мысли были датированы 2010 годом. Он писал удивительно красивые, прочувствованные, трогательно-лиричные стихи... Почему в 2010 году всё закончилось?

Вера знала, что он женился и у него родилась дочь... Напрашивался вывод, который хотелось тут же опровергнуть – неужели гармония лишает потребности творить? Куда уходит необходимость выражать то, что происходит в душе? Или яркие эмоции постепенно размываются, превращая насыщенные цвета живых проявлений души в мягкие пастельные тона уютного, размеренного, старательно и ровно покрашенного невидимым художником бытия и быта?

Снежинки в его мире плакались в ладони, вместо того, чтобы таять в них... Дождинки плясали, месяц плавал на лодке по небу, а облака дремали в лужах... и среди многообразия природных явлений, неслышной поступью сквозь рифмы шла через время неприрученная любовь... Видно, удалось ему всё же свою любовь приручить... А пойманная птица не всегда сохраняет в неволе способность к пению...

Вера мысленно перешла по ссылке его «Избранных». Олеся Б... Автор закрыл свою страницу. Не в первый раз, – подумала она, – можно заглянуть через пару месяцев. В её стиле то закрывать страницу, то снова предъявлять миру всю свою неустроенную судьбу в строках душераздирающих стихотворений. С присущим ей талантом, чувством стиля и ритма, подбором рифм и накалом страстей Олеся могла бы стать настоящим поэтом, но... отчего-то, всё её творчество было производным шокирующих, жестоких сцен и замешано на элементах беспорядочного секса где-то на грязном полу, с использованными шприцами...

Олеся писала матом, ничуть не стесняясь столь неприкрыто "литературных" выражений... Впрочем обильная ненормативная лексика органично вплеталась в канву её отчаянного, одинокого, недружелюбного и, более того, – враждебного – мира... она рисовала такие мрачные картины что хотелось умыться, чтобы смыть с себя всю прилипшую безысходную тоску, невыразимое отчаянье и безрадостное ежедневное прозябание... но рисовала она настолько талантливо, что спустя время вновь хотелось заглянуть в её неуютный мир...

Следующая ссылка. Тоже девочка. То же убийственное отчаянье, тоска, печаль и безысходная горечь неразделённой любви. И снова водка и другие, «чужие» мужчины, с помощью

которых можно забыть... Более мягко, но с надрывом, и каждая рифма, точно натянутая струна, готовая вот-вот оборваться...

И еще одна. Девочка постарше. Оплакивающая прошлое, обречённую боль разлук и безнадежность несбывшегося... Но здесь уже проскальзывает лучик света – можно угадать возраст автора – с возрастом становишься мягче... и уже можешь мириться с судьбой или менять её.

На стихире более шестисот пятидесяти тысяч авторов... и у каждого своя боль... редко встретишь радостное и позитивное – свою радость большинство предпочитает хранить в себе, своим счастьем мало кто готов поделиться...

Появившись в этом особом пространстве слов, Вера поначалу думала, что попала в заповедник, строго чтящий границы. Оказалось, – это дикая непролазная чаща, и чтобы выяснить тропы и маршруты, могущие привести в открытую местность для привлечения внимания к собственному творчеству – нужно платить... Причем, платить постоянно, изо дня в день, если есть желание остаться на месте под солнцем... в числе авторов, приглашающих на свои страницы и занимающих не последние строчки в рейтингах...

Тот, кто придумал «Стихиру», без сомнения, оказался неплохим маркетологом, сделавшим большие деньги буквально из воздуха и всё ещё делающим их, сделав ставку на людское тщеславие и амбиции, далеко не всегда имевшие под собой такую незыблемую основу, как талант.

Вскоре был создан Российский союз писателей – не имеющий абсолютно никакого отношения к Союзу писателей России. Всем "стихирным" жителям с количеством читателей более пяти тысяч предлагалось вступить в данный союз, дабы подчеркнуть собственную значимость... И, конечно же, было рекомендовано заплатить вступительный взнос и регулярно уплачивать членские взносы, взамен получая право носить гордое звание члена РСП...

Вера тоже не осталась в стороне от сего веяния и вступила в клуб, получив красную корочку со своим фото в торжественной обстановке в Центральном доме литераторов. Когда объявляли её выход, о том, что она состоит в клубе писателей ЦДЛ отчего-то не упомянули – возможно потому, что большая часть присутствующих вообще не догадывалась о существующих на протяжении нескольких десятков лет проверенных временем писательских объединениях...

Тем не менее, Малый зал ЦДЛ был заполнен до отказа, люди стояли в проходах и не сводили глаз со сцены. Присутствовали фотографы и телевидение. Пиар акция проходила успешно. На подиум выходили немолодые женщины в меховых накидках с тщательно уложенными прическами, пожилые мужчины в стильных костюмах, юные девы, гордо выплывающие на подиум, и интеллигентного вида сублильные юноши, неловко переминавшиеся с ноги на ногу. Идейный вдохновитель и создатель всего этого великолепия гордо взирал на творение рук своих, фотографируясь с каждым из авторов, принимавшим из его рук заветное удостоверение.

Пожилый мужчина срывающимся голосом благодарил за создание такой организации, реализацию столь социально значимого проекта, как открытие интернет-ресурса, где поэтически одарённые люди могли бы общаться друг с другом.

Г-н Кравчук вторил ему, говоря о том, что весь писательский бомонд собрался сейчас в этом зале, что они – элита современного литературного общества, и что за нами будущее современной русской литературы. Вера тоже чуть было не прослезилась... из сочувствия к будущему отечественной литературы...

Когда все получили заветные корочки, желающие начали читать со сцены стихи, желающих их послушать осталось не более трети зала...

"Талантливый человек не может постареть", – писал С.В. Михалков. Наверное, в большей степени, именно по этой причине, Вера надеялась раскрыть свой талант, хотя сильно сомневалась в том, есть ли он у неё...

Любовь, свободная от обязательств. Ландшафтный дизайнер. 32 года

«В этом мире возможно всё. Просто не возможно всё одновременно... желаю тебе НЕВОЗМОЖНОГО в Новом году», – написала она в новогоднюю ночь, сидя на борту Аэробуса, берущего старт на полосе разгона... Её ждали бездонные голубые сеноты Мексики, обзорный тур по Юкатанскому полуострову, посещение древних городов Майя, пещер и джунглей... Только всё это – *без него*...

Люба открыла "Википедию". Сеноты – "естественные провалы в известковой породе, не имеющие дна, которые древние майя использовали как источник пресной воды и места для жертвоприношений". Что и каким богам следует принести в жертву, чтобы он был с ней? Выбросить мысли о нём из головы не получалось... Он её не ждал... Никогда...

Зачем тогда всё? У Веры есть её «Стихира», у Надежды – встречи с Волшебником... А у неё, что есть у неё?

Ничего. «Звонящая пустота внутри», – как сказала героиня одного из популярных нынче сериалов. Абсолютный вакуум. Чёрная дыра. Миллионы папы не в счет. Она слишком привыкла к ним. Они дают ощущение комфорта и безопасности, но это ничто по сравнению со всеобъемлющей гнетущей пустотой – неотъемлемым атрибутом её бытия...

«Может, мне стоит поменять имя, тогда и жизнь изменится сама собой?» – риторический вопрос остаётся без ответа, на то он и риторический. – Нужно меняться изнутри. Но все, кто знает меня, считают, что я совершенство... Тот мужчина, на соседнем кресле, делает вид, что увлечён чтением газеты, а сам смотрит, точно кот на сметану... Сказать ему, что есть все шансы подавиться?"...

Бизнес-класс, удобные сиденья, ненавязчивый сервис, широкие кресла и нормальные проходы... Любовь могла позволить себе всё это, только «это» не прибавляло ей счастья ни на мгновение. Она отпила вина из бокала. Как-то незаметно залогом её счастья стал *он*. Мужчина по имени Владислав...

Только он женат. Недавно развелся и тут же женился снова. На другой. Фотографии на страничке ВКонтакте... Почему он сам не сказал ей? Не поделился? У неё в мыслях не было увести его из семьи. Она никогда не была соперницей его жене. Теперь у него другая жена.

Женился – что же. Ей было больше обидно от того, что он не рассказывал ей ничего о еще одной женщине, помимо неё присутствовавшей в его жизни. Впрочем, теперь она знала. И всё равно её тянуло к нему. Тянуло ещё сильнее, чем раньше.

Поначалу это было всего лишь игрой – азартной игрой с высокими ставками. А потом... потом – встречи с ним стали не просто частью её жизни, они стали её смыслом...

Сейчас, плавно взлетая в небо, Любовь убегала от него. Втайне надеясь, что самолет разобьется и всё закончится, совсем всё... А если нет – в Мексике её ждет масса впечатлений и знакомств.

Она мечтала увидеть величественные пирамиды и окунуться в бездонные голубые воды... жестокие игры и дикие нравы майя привлекали её. Возможно, им устроят игру, взяв за основу древние традиции? Она не знала остальных участников экзотического тура, но его стоимость позволяла делать кое-какие выводы... Ей было слишком хорошо известно, что деньги портят людей, заставляя искать всё новых и новых ощущений, тогда как привычное и доступное казалось донельзя пресным.

Любовь машинально теребила пальцами с идеальным маникюром золотые шармики «Pandora» на браслете, украшавшем запястье. Стоимость каждого из них превышала среднюю месячную зарплату по стране...

Привлекательные успешные мужчины любят проводить время с девушками без комплексов, никак не заинтересованными в их деньгах... Привлекательные успешные мужчины с некоторых пор стали её персональной психотерапией... Большинство из них становилось ручными буквально через пару дней общения с ней. Влад – оставался свободным диким тигром...

Потягивая вино, среди фильмов она выбрала «Нимфоманку» Ларса фон Триера. В восемнадцать, чтобы заняться сексом, ей непременно нужно было влюбиться... Теперь – ей был необходим бокал вина и соответствующий фильм...

Мужчина на соседнем сиденье уже откровенно не спускал с неё глаз. Люба демонстративно не отрывала взгляд от экрана...

На ней были тонкие чулки и короткое платье... Под платьем не было ничего... не многие женщины в "немного за тридцать" могут позволить себе подобную роскошь... Она могла. И, конечно же, «Liaisons Dangereuses» от Kilian...

Она могла позволить себе практически всё, и вероятно от этого, «всё» не приносило ей радости – только немного снимало боль, как наркотик, дозу которого приходилось всё увеличивать... Случайные связи снимали стресс. Её подруги заедали переживания шоколадом и сладостями – она снимала стресс мужским вниманием... Этим она не делилась ни с кем. Даже её подруги не знали. А много ли она сама знает о них?..

Возможно, стоит поговорить с Верой? Она всегда была самой рассудительной из них троих. Умела подобрать слова и подбодрить, если нужно. Она не осуждала её за связь с женатым мужчиной. Не читала ей лекций о морали и нравственности. Она принимала её такой, какой знала. Но, вся беда в том, что слишком многого не знала даже она...

Любовь плавно поднялась со своего кресла. Повернулась спиной к соседу справа и стала доставать сумку, немного приподнявшись на цыпочках, как бы невзначай продемонстрировав ажурный верх своих чулок... Поставила сумку на сиденье и нагнулась к ней... А потом прошла в туалетную кабинку.

Мужчина направился следом. Всё так просто, что даже не интересно...

Надежда. Домохозяйка. Мама двенадцатилетней дочери

Волшебник... Мягкий голос... Высокий рост... Пронзительные синие глаза... С Волшебником удалось расплатиться деньгами, отложенными на новую шубку. Только шубка не изменит твоей природы. Меняться стоит изнутри. Благодаря волшебнику, Надя это поняла.

Правда, сначала был колдун. Он чертил знаки, писал левой рукой слева направо персидской вязью, раскуривая вокруг неё ароматы благовоний... Он утверждал, что самая сильная энергия – сексуальная, и был готов ею поделиться... нет, он не просто был готов, он, без сомнения, хотел этого..

Наде с трудом удалось убедить его в том, что ей нужно совсем не это... Перспектива получить секс с пятидесятилетним мужчиной за свои же деньги ничуть её не прельщала...

В приемной его ждали люди. Люди, которым он помогал разобраться с проблемами... Подруга, посоветовавшая его, благодаря своим визитам, получила довольно высокую должность в хорошей структуре, Надежда – недвусмысленное предложение «подключиться к источнику силы напрямую»... Она бы ещё могла понять его предложение расплатиться натурой за оказанные им услуги, но получить в качестве самой услуги секс – нет уж, это чересчур! 1000 долларов – ни за что... Её зарплата за месяц... Бывшая зарплата на бывшей работе...

Когда Надежда вышла из квартиры – оказалось, что деньги остались при ней. И несколько номеров его телефона...

А потом она попала к Волшебнику. Он задавал вопросы. Она пыталась вспомнить своё детство. И почти не помнила его... Но редкие, казалось бы, ничего не значащие отрывки всплывали в памяти, причудливыми тропинками сплетая путь настоящего...

... Двенадцатилетняя девочка стоит на автобусной остановке. По лицу текут слёзы. Слёзы разочарования и обиды. Она одна, одна во всем этом мире! Только что её высадили из автобуса – она ехала на общественном транспорте впервые, а родители ей ведь даже не сказали, что нужно платить за проезд! Ей было холодно, стыдно, горько и обидно! Рука в гипсе неудобно болталась на повязке. Ей нужно было в больницу на осмотр...

Надя «посадила» эту девочку в кресло, расположенное напротив. Она взрослая понимала, что это подло – поступать так с ребенком, как поступили тогда с ней. Она имела право плакать и не казнить себя за это. Но девочка приняла твёрдое решение стать стойким оловянным солдатиком...

Села на место девочки. Разрешила себе прочувствовать всю горечь её переживаний и обжигающее тепло слёз на морозе...

Волшебник предложил углубиться дальше в прошлое... Всё началось не здесь...

Ей семь лет. В прихожей раздаётся чей-то громкий плач. У неё появился брат. Особой радости она от этого не испытывает. Впрочем, пока она не испытывает ничего.

Её переселяют спать в отдельную комнату. Девочке темно, страшно и одиноко. Но она терпит. Ведь ей целых семь лет! Она уже взрослая. А братик – новорождённый младенец, о котором нужно заботиться двадцать четыре часа в сутки...

– Ты ребёнок, ты имеешь право бояться! – говорит Волшебник.

– Нет, я взрослая! И свет мне даже на ночь не разрешают оставлять включенным...

А как-то раз, когда я не выдержала, и пришла к маме, она сказала, что мне должно быть стыдно. Я уже большая. – И Надя – действительно уже большая – не может успокоиться, слёзы непрерывным потоком текут по щекам...

Но и это ещё не самое дно. Всё началось гораздо раньше. Когда трёхлетний ребенок через силу ходил в детский сад, с трудом проглатывая комки холодной манной каши... Когда потом тот же самый ребенок безропотно проглатывал все обиды, причиняемые ему взрослыми... Стараясь стать незаметной, не причинять никому беспокойства, сделать так, чтобы родители могли им гордиться...

Теперь они действительно могли. Только какой ценой было получено её право ощущать их гордость за себя?..

Он раскручивал её жизнь назад, словно плёнку. Надежда постепенно начинала осознавать свои обиды и понимать истоки дальнейших проблем. Он сумел помочь справиться с ними – на то и Волшебник...

Надины трудности ушли, освободив место для следующего витка спирали – проблемы начались у её дочери, которая категорически отказывалась от помощи, заявляя, что никто не в состоянии ей помочь. Она всё больше уходила в себя, пытаясь отыскать смысл в жизни и не находя его... Со временем Даша перестала посещать занятия в школе. Зачем? Если всё равно раньше или позже мы все умрем. И для чего растягивать этот кошмарный промежуток между рождением и смертью?

Надежда не знала, как помочь дочери. Каждый должен сам найти свой персональный смысл... А для этого нужно жить. Пока живешь – остаются варианты, как жить, и сохраняется надежда понять, для чего.

"Жизнь – стоит того, чтобы жить, а любовь – стоит того, чтобы ждать"

В. Цой...

Любовь. Острые ощущения

Вера, Надежда и Любовь сидели в кафе и курили кальян, рассказывая занимательные истории из своей жизни...

Любовь вела повествование о недавних приключениях на Юкатане, в красках описывая природу и демонстрируя фото с захватывающими дух пейзажами, умолчав, однако, о том, что привело её в столь отдалённые ландшафты... Вера делилась забавными историями из своей второй, "стихийной", жизни, которая временами заменяла ей настоящую реальность, намеренно упуская тот факт, что один из виртуальных поклонников сделал ей совершенно реальное предложение выйти замуж. Надя, рассказывая о своих сеансах психотерапии, сознательно замалчивала одну важную деталь – она ни словом не обмолвилась о человеке, для которого всё это делала. И этим человеком, вопреки логике и здравому смыслу, была не она...

Раньше они могли доверять друг другу, деля свои секреты на троих, без утайки. С возрастом они стали умней и осторожней, приобретя подтекст, который так привлекает мужчин... У них появилось неоспоримое преимущество, отличавшее их тридцатилетних от двадцатилетних – они приобрели опыт, не утратив женской привлекательности... Или, напротив, они многое потеряли, утратив способность быть доверчивыми, наивными, верить чувствам и доверять друзьям?..

Надежда ушла раньше – ей нужно было готовиться с дочерью к контрольной работе по математике. Она, как настоящая мама, получала второе среднее образование...

Вера и Любовь остались вдвоём. Зазвучали первые аккорды "Невесты полоза" и Любовь беззвучно зарыдала...

– Что случилось? – Вера внимательно смотрела на подругу. – Выкладывай.

И Люба рассказала ей про Влада. Почти всё.

– Позвони ему. Надо доверять своему сердцу, – сказала Вера. А Люба подумала, что подруга так и осталась неисправимой мечтательницей. Впрочем, не лишённой практичности.

– Позвони ему. Скажи, что появился состоятельный клиент. И хочет увидаться именно сейчас. Кризис на дворе – а ему ещё семью кормить! У его жены не должно возникнуть вопросов. Вы же вместе работаете...

Люба стукнула себя ладонью по лбу.

– Слушай, а ведь такой клиент действительно есть, – у меня совсем из головы вылетело! Папаша одного из моих попутчиков на Юкатане решил полностью перестроить свой коттедж... И изменить пространство вокруг. Обещала ему заехать в ближайшее время.

Люба набрала Владу, расцеловала подругу и выбежала на улицу. Красный "Ягуар" приветствовал хозяйку радостным урчанием.

Она ехала за *ним*.

– Как это понимать? На дворе – ночь почти...

– Очень богатый товарищ, и время свободное у него есть только по ночам... А в доме, между прочим, хорошее освещение. Иллюминация на фазенде, думаю, тоже ого-го. Справимся!

В дороге Люба успела набрать Артемию Петровичу и договориться о визите. Возможно, сынок успел показать ему её фото, а может, он удосужился посмотреть её работы на сайте – но согласился на поздний визит сразу, без лишних разговоров...

Они проехали через КПП, попав за непроницаемые ограждения, будто в другой мир. Всё вокруг было идеально продумано и исполнено... Всполохи света, отражавшиеся в при-

чудливо застывших ледяных озёрах, вечнозелёные растения, радующие глаз обилием насыщенного природного цвета, наполненные внутренним сиянием диких фигур – заставили Любовь задуматься о том, *что* она сможет предложить хозяину взамен всего этого великолепия?

Артемий Петрович встречал их у входа в дом. Мужчины пожали друг другу руки. Владислава перепоручили личному ассистенту хозяина, чтобы показать помещение, для оценки предстоящего объёма работ. Сам хозяин, не стесняясь, разглядывал Любовь.

На ней были высокие белые сапоги, очень короткая черная юбка и обтягивающая кофточка, видневшиеся из-под распахнутой белой шубки в пол.

– Вы любите классику? Белое и чёрное?

– Почему же. Я всегда разная, – Любовь улыбнулась. – Вы видели мои работы?

– Нет ещё. Но я видел Ваши фото с отдыха. Мой сын влюбился в Вас с первого взгляда.

– Ничего, в двадцать лет это быстро проходит...

– Теперь я его понимаю. В пятьдесят, знаете ли, это бывает надолго...

– Может, расскажите, что бы Вы хотели поменять? – Люба поспешила переменить тему разговора.

– Всё. Я бы хотел поменять всё.

– ???

– Я недавно развёлся. Не хочу, чтобы мне что-то напоминало о бывшей жене.

– Может, тогда лучше купить новый участок и начать с нуля?

– Я сам разберусь, что для меня лучше. – В его голосе послышались железные нотки.

Люба прикусила губу.

– Хорошо. Как поменять?

– Вот это я и хотел бы узнать у Вас, – он усмехнулся. – Жду три варианта. Время до весны ещё есть, так что можете не торопиться. Но все три – должны быть качественно проработаны, совершенно разные и выполнимые. Я ясно излагаю?

– Более чем. Но это будет дорого стоить.

– Я думал, Вы поняли, что деньги для меня не проблема...

Девушка молча кивнула. Когда вернулся Влад, они пили кофе, и Люба рассказывала истории с Юкатана, которыми сын почему-то предпочел не делиться с отцом. Её кружевные чулки выглядывали из-под юбки. Владу захотелось убить её. Здесь же. Немедленно.

Вместо этого он присел за стол и попросил кофе. Прислуживавшая миловидная девушка подала ему чашку, радуясь предстоящему знакомству с молодым архитектором, что не укрылось от Любиных глаз. Она мстительно плавным движением перекинула ногу на ногу – коронное движение Шэрон Стоун в "Основном инстинкте". Две пары мужских глаз неотрывно следили за её медленными движениями. Что ж, обучение в "Академии секса" не прошло даром...

Обратно они ехали молча. Потом Влад попросил свернуть к обочине. Люба подчинилась. Он вышел из машины и за руку вытащил её на сырой прохладный воздух. Открыл заднюю дверцу и буквально бросил на сиденья. Рывком стянул полупрозрачные, почти невидимые кружевные трусики и резко вошел без всяких предварительных ласк. Его горячая рука сжимала ей горло. Ей становилось тяжело дышать. Казалось, он разрывает её на части. Кровь, тонкой струйкой, стекала по бедру.

Влад не замечал крови. Он брал своё, сжимая её горло всё сильнее. Ещё никогда в жизни ему не было так хорошо, и так паршиво одновременно. Она не была его. Она была ничья. Свободна исчезнуть в любую минуту, когда ей вздумается. Быть, с кем ей вздумается. Все его женщины зависели от него. Морально, материально или физически. Заставить её зависеть – не получалось. Это приводило его в бешенство.

Приходя в себя, он увидел слезы в её глазах. Ослабил хватку и смягчил движения. Он снова её не понял. Это были слёзы счастья. Она впервые испытала подобный кайф.

По бежевой обивке растекалась красная лужица.

– Где у тебя салфетки?

Люба показала на сумку. Влад принялся стирать следы крови. Люба достала из сумки новые трусики – будто знала, чем всё закончится!

– Прости... Я дико тебя ревную, – он уткнулся носом в её плечо. Люба не пошевелилась. Она всё ещё не могла прийти в себя. Так хорошо, как в этот раз, не было никогда. Оправдывались её самые худшие предположения. Вероятно, она мазохистка... Только этого не хватало для полного счастья!

Домой она вернулась за полночь. По дороге ей вспомнился фильм про женщину-адвоката, которая взялась защищать преступника, обвиняемого в случайном удушении своей девушки во время любовных игр. Ей нужно было выяснить, насколько оно случайно... В итоге, она сама оказалась во власти соблазна и острых ощущений, которые от встречи к встрече становились всё острее. Вспомнить название фильма Люба так и не смогла.

Девушка проснулась ближе к обеду. Вышла на застеклённую лоджию. Двадцатый этаж "Олимпии" – прекрасная смотровая площадка. Она решила вспомнить своё увлечение живописью. В окружающей серости Любовь могла различить гораздо более пятидесяти оттенков. Она принялась смешивать краски и наносить мазки.

"Может, стоит сделать своей психотерапией рисование? – подумалось ей. Успокаивает"...

Она не знала, сколько времени прошло, проведя его в параллельной реальности красок, линий и полутонов. Резкий звук телефонного звонка заставил её подпрыгнуть на месте и выронить кисть. Люба, увидев незнакомый номер, нажала на сброс, ожидая навязчивых предложений посетить очередную акцию в салоне красоты, приобрести замороженную еду или вложить деньги в Diamond Capital... Представители последней компании с запредельной наглостью и завидной настойчивостью предлагали ей прямой доступ к американскому фондовому рынку "с использованием специальных стратегий, адаптированных под изменяющийся курс акций на основе выхода глобальных новостей мировой экономики"... и, как следствие, невероятную доходность... И каждый сотрудник, по всей вероятности, мнил себя неподражаемым "Волком с Уолл стрит"...

Звонок повторился ещё раз. И ещё.

– Люба, это Миша. Мы вместе отдыхали недавно...

– И?..

– Собираемся на Тенерифе. Хотелось бы поехать той же компанией. Весело было...

– Когда?

– На майские. Ты как?

– Подумаю. Забронируйте мне номер на всякий случай. "Executive suite" с видом на море. Деньги потом на карточку переводу. – Она задумалась. – И ещё один, для моей подруги. Рядом. Если не будет suit-а, думаю, и "superior" нас вполне устроит. Личные данные скину смс-кой.

– Подруга... Такая же, как ты?

– Нет. Совершенно другая. – Люба нажала отбой. Больше разговаривать не хотелось.

Вера. Остров несбывшихся желаний

Приближались майские праздники. Вера готовила документы для оформления визы – её родители собирались взять детей в Парижский Диснейленд. Она думала о том, что сама давно нигде не была...

Позвонила Люба и предложила развезься и слетать на недельку на «Тенерифе». Вера на пару дней взяла тайм-аут. Нужно было уговорить мужа отпустить её одну с подругой и без детей...

Когда-то, когда они учились в школе, она сидела с Любой за одной партой, а после школы часто заходила в гости к Наде, которая училась в параллельном классе. Она дружила с каждой из них по-отдельности, потому что уж слишком разными они были. Слишком разным была устроена их жизнь. Потом ей удалось сдружить их между собой. Хотя теперь Вера сомневалась в том, что удастся и дальше сохранять эту дружбу.

Надин папа трудился в НИИ, а мама работала медсестрой в районной поликлинике. Они не давали ей денег на карманные расходы и покупали одежду на вещевых рынках. Новые кроссовки или коньки Надя могла получить только в том случае, если старые протёрлись до дыр или уже чересчур малы... Она совершенно не умела пользоваться косметикой, и, когда изредка всё же приходила в школу накрашенной, пугала и учителей и одноклассников...

Надя была очень несовременна, отзывчива и как-то по – хорошему добра к людям. С ней можно было поделиться первыми любовными переживаниями, довериться, не опасаясь насмешек, поговорить о самом главном, пожаловаться на родителей и просто болтать ни о чём, сидя на кухне с чаем, баранками и банкой варёной сгущёнки...

Любин папа работал дипломатом. Она периодически жила с бабушкой, а в старших классах – одна. Её родители, изредка возвращаясь на Родину из загранпоездок, привозили ей импортные шмотки ещё тогда, когда в Москве почти ни у кого таких не было. Она щеголяла в джинсах и приглашала одноклассников смотреть зарубежные фильмы по "видаку", в квартиру, где с пятнадцати лет жила практически самостоятельно.

Люба была свободна, гораздо более свободна, чем многие в их классе и даже в школе. С ней можно было вдвоем посмотреть какое-нибудь видео «18+» и потом обсуждать это вполголоса, даже оставаясь вдвоем в её квартире, когда никто не слышал. Вполголоса – потому что тогда в стране секса не было. А они знали – что где-то да он есть! Вместе они хихикали над тем, что и как будет у них. Когда. И, самое главное, где найти своего принца?

Жизнь шла. Они вроде бы продолжали дружить. Только пропасть между двумя её подругами всё увеличивалась...

Люба училась в "Строгановке", Надя – в Академии Натальи Нестеровой. Люба в восемнадцать получила права и первый свой автомобиль в подарок от родителей – красную «Toyota Camry», Надя пользовалась общественным транспортом. Любу окружала золотая молодежь и закрытые "пати" для избранных, Надю – сокурсники и пиво в подъездах чужих домов. Люба не помнила – как это произошло... она просто проснулась в чьей-то квартире после ночной дискотеки, а рядом – красивый парень, затягивающийся сигарой... Надя в семнадцать впервые влюбилась. Только не в того парня. Назло ему, в восемнадцать она выскочила замуж и родила дочь.

Вера одинаково любила обеих своих подруг. Она была где-то между ними. Не сказать, чтобы эта середина в шкале жизненных благ и ценностей её радовала. Но она чётко знала, что будущее зависит исключительно от неё самой. Чувствовала, что всё в её руках.

Когда-то учительница в школе говорила им, что главный капитал – это знания. Те знания, которые, что бы ни случилось, останутся с тобой, и в любой ситуации ты сможешь ими

воспользоваться. Даже потеряв всё, ты сможешь найти работу и снова двигаться дальше. Это то, что никто не сможет отнять или украсть. Эти слова глубоко и прочно запали ей в душу. Она училась.

Красный диплом школы и института. Красные корочки всевозможных курсов. Водительское удостоверение, полученное вскоре после восемнадцатилетия. Всему своё время. У неё было время учиться – и она училась. Никто не обещал подарить ей авто и устроить на хорошую работу. Она училась, понимая, что это её единственный шанс.

Началась перестройка. Её папа, рядовой советский инженер, пытался влиться в стремительный, пугающий и неясный поток новых веяний, тенденций и порядков и упорядочить рушащийся хаос своей жизни, – получалось с переменным успехом.

Любины родители вернулись в Россию. Вера пыталась уговорить отца познакомиться с ними и поговорить. Они-то знали побольше него и гораздо лучше разбирались в том, что творилось в политике и экономике. Но он хотел всё сделать сам. Падал и поднимался, ошибался и снова пытался действовать, подтверждая слова учительницы математики – главный капитал, – это знания и интеллект... А мама плакала на кухне, когда его среди ночи всё ещё не было дома. У Веры на тот момент сложилось совершенно определённое ощущение, что мать каждый раз не знает, вернётся муж или нет.

Сразу после окончания школы Вера устроилась на работу и поступила на заочное отделение в Институт госслужбы. Надя училась на дневном и платном, несмотря на финансовые трудности родителей... Люба пока не училась – в течение года она решила отдохнуть и спокойно подготовиться к экзаменам в институт. Хотя её мама в разговорах неоднократно ссылаясь на то, что могла бы обо всем договориться. Но дочь хочет поступить сама. И жаловалась, что девочка выросла чересчур самостоятельной.

Вера же считала, что независимость в принятии решений, умение не принимать во внимание чужое мнение – это огромный плюс. Её подруга искренне не понимала, как можно переживать из-за того, что о ней подумают другие. Она жила так, как сама считала нужным. Не видя условностей. Пренебрегая правилами советского общества. Она с детства имела чуть больше свободы, чем рядовой советский гражданин, и теперь эта свобода была в ней через край. Её жизнь кипела. Поклонники-клубы-поклонники-клубы-учеба и снова поклонники.

У Веры времени на это практически не оставалось. Иногда, когда подруга всё же уговаривала её выбраться, она чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Нет, она делала вид, что всё отлично, хотя прекрасно понимала, что оставив большую часть своей зарплаты за один вечер в клубе, оставшуюся часть месяца ей придется как-то ограничивать свои траты...

Да и люди, которые собирались здесь... Люба, казалось, была знакома со всеми. «Сколько у тебя друзей!» – восхищалась Вера, совершенно не понимая, что цена этим друзьям – медный грош. Она принимала блеск мишуры за золото, а стразы «*Swarovski*» – за истинные бриллианты...

Она тоже хотела стать своей в этом мире. Беспечно тратить заработанные родителями деньги. Просыпаться в чужой квартире, не помня, что происходило ночью. Устраивать гонки на блестящих иномарках по ночной Москве. Она хотела, чтобы у неё появилась такая же машина. И такие же замечательные друзья, как у Любы. Но и с Надей она не переставала общаться. Душевно давняя школьная подруга была ей гораздо ближе раскрашенных девчонкам с пухлыми губами и искусственными волосами...

Но не только волосы были искусственными в том мире, куда ей так хотелось попасть... Она осознала это, только став гораздо старше. Тогда же, общаясь с Любиными родителями, она слушала их разговоры и, мало что понимая в них, чётко уяснила лишь одно – в стране

пришло время больших перемен и больших возможностей. Другого такого времени уже не будет...

Сейчас, в её тридцать, финансовые возможности вполне позволяли Вере составить Любе компанию, хоть на Мальдивах, хоть на Сейшелах, хоть на Гавайях. Впрочем, там она уже успела побывать. До «Тенерифе» ещё не добралась. Оставалось только уговорить мужа отпустить её одну...

Он, как ни странно, отпустил. Отвёз их с подругой в аэропорт. Чмокнул в щёку на прощание. Два кресла рядом. И семь с половиной часов полета. У них наконец-то появилось время спокойно поговорить обо всём... Все семь часов Любовь говорила о Владе. Правда, про то, что у Влада беременна жена, она так и не сказала...

Отправляясь в это путешествие, Вера даже не поинтересовалась, какой отель выбрала подруга. Она знала, что её бывшая одноклассница любит сёрфинг, но совершенно не догадывалась, что здесь окажется целая толпа её знакомых. За десять лет в жизни Любы мало что поменялось. А Вера смотрела теперь на "гламурную" компанию, сняв розовые очки и надев тёмные, солнцезащитные... Они защищали и от солнца, и от обманного блеска искусственных кристаллов.

Их поселили в соседних номерах. С видом на океан, плескавшийся почти у самого входа в отель. Вера вышла на балкон. Ветер. Вечный ветер «Тенерифе»... Он приносил в номер соленую прохладу безбрежных морских просторов, свежие идеи и мысли. Ей давно пора было выбраться. Сама бы она ни за что бы не решилась. И благодарила подругу за семь дней свободы...

Девушка распаковала вещи. С собой у неё было несколько книг. В принципе, она предполагала, что подруга заведет новый безумный роман и ей будет не до неё. Или встретит массу старых друзей. Или их взгляды на отдых окажутся совершенно разными, – ведь за столько лет общения они ни разу не отдыхали вместе...

Люба ездила на слишком дорогие курорты. Вере такой отдых поначалу был не по карману, а потом – как-то стало не до этого... Просто слушала рассказы подруги и смотрела фото, которые казались ей стоп-кадрами фильмов, не имеющих ничего общего с реальностью. Вера просто пыталась найти место в жизни, успевая только «пилить» мужа, воспитывать детей, периодически пропадая на работе и устраивая генеральные уборки в квартире...

Впрочем, по прошествии определённого времени и приложения определённых усилий они с мужем побывали в разных местах, оставляя за одну поездку годовой заработок рядового юриста неплохой компании. Вера оставила постоянную работу с утра до вечера, сохранив лишь частные консультации. Зачем портить жизнь своей семье, тратить время и нервы, если годового заработка хватит, чтобы всего лишь один раз по-человечески отдохнуть?

«Сейчас я уж точно отдохну!» – она смотрела на волны, мечтая как можно скорее погрузиться в них. Пусть подруга, сколько душе угодно, дурачится на своих сёрфах – она будет наслаждаться жизнью! Одна! Она это заслужила.

Вера сама удивилась своим мыслям. Впервые в жизни ей не страшно было произнести слово «одна»!

Девушки вышли из отеля. Колоритная парочка. Разница в тридцать сантиметров роста не мешала им общаться, но привлекала всеобщее внимание. Шатенка и брюнетка. Ровный пробор и прямые пряди – творческий кавардак в причёске и путаница в мыслях. Взгляд, отражающий синь неба, и глаза цвета свежемолотого кофе...

На пляже к ним подошли двое парней, выглядевших, точно мальчишки, застрявшие в двадцатилетнем возрасте. Впрочем, как оказалось, им действительно немногим больше двадцати... они с подругой тоже на свои «тридцать с хвостиком» явно не тянули, но всё же Вере гораздо больше нравилось общаться с людьми постарше...

Ребята расцеловались с Любой в обе щеки.

– Моя школьная подруга, Вера, – Люба представила её своим знакомым.

Вера улыбнулась, не зная, что ещё к этому можно добавить.

Целый день пришлось «тусоваться» в их компании. Слова «клёво», «кайфово», «потусить», «тёлки», то и дело проскальзывавшие в разговоре, резали ей слух. Её друзья так не разговаривали... Хорошо ещё, что следующим утром они вдвоём с Любой на целый день уезжали бродить в окрестностях острова и осматривать Тейде...

Любины друзья оказались заядлыми сёрферами и предложили составить им компанию в ловле волн в Playa Honda. Вера предпочла остаться в Playa de Las Americas...

Сказав на прощанье «Алоха», подруга удалилась в сопровождении двух кавалеров, с которыми, как выяснилось, они познакомилась в предыдущей поездке... Зачем Любви всё это? Случайные знакомые, случайные связи... Хотя, ни одна встреча не может быть случайной – Вере не раз пришлось убедиться в справедливости данного утверждения...

Вечером она спросила подругу, что означает сказанное ей слово. Оказалось, что оно гавайского происхождения и означать может что угодно – от «привет» и «пока» до «я люблю тебя»... Удобно, ничего не скажешь. Как хочешь, так и понимай. Непременно следует взять на вооружение...

... А буквально оно переводится как "дыхание жизни"... Для Любы дыханием жизни были волны страсти и океана, которые она покоряла с азартом, достойным восхищения.

Вера отправилась к бассейну, уютно устроилась на шезлонге и раскрыла книгу, приготовившись к увлекательному путешествию в мир чужих чувств... Это был её третий день на Острове, название которого с языка гуанчей переводится как «Снежная Гора»... На вершине действительно лежал снег. О подножие острова бился океан...

– Geographer Drunk Away His Globe. Interesting title¹.

На шезлонг рядом с ней пристроил жёлтое махровое полотенце высокий светловолосый мужчина лет сорока с небольшим.

– Is it free?² – спросил он, будто извиняясь.

– It was free, пока Вы сюда не присели, – ответила Вера, припоминая свои скудные познания в английском.

Правда, спустя пару секунд она поняла, что раз он как-то перевёл название книги, то говорит по-русски. Тем не менее, девушка предпочла снова углубиться в чтение. Он взял в руки планшет, внимательно изучая мелькавшие колонки букв и цифр и время от времени едва заметным движением пальцев проделывая с ними непонятные манипуляции. «Судя по всему, какой-нибудь биржевой аналитик, – подумалось ей. – Впрочем, что мне за дело до него?». Но, тем не менее, его присутствие немного смущало и сковывало. Изредка он поглядывал в её сторону.

– Русские до сих пор читают бумажные книги? – спросил он с небольшим акцентом.

– Не все. И уж конечно не потому, что до нас не дошел прогресс, – Вера оторвала взгляд от книги и посмотрела ему в глаза.

– Тогда почему?

– Не знаю, – она действительно не знала, как объяснить иностранцу очевидные для неё вещи. – Люблю листать страницы, загибать уголки, подчеркивать интересные фразы, делать на полях пометки. Просто люблю держать книгу в руках. У каждой из них – своя неповторимая аура. Каждая бумажная книга – живая и живёт своей жизнью, – она не знала ещё, насколько хорош его русский и насколько он её понял. Щеки предательски горели.

¹ «Географ Глобус Пропил». Интересное название.

² Здесь не занято?

Про себя Вера подумала, что буквы оживают только на страницах книг. Мелькающие символы с экранов планшетов и ноутбуков отказывались превращаться в картины и образы в её голове. Печатные страницы дышали... а буквы говорили, шептали и кричали... иногда молчали... Но это немое безмолвие было красноречивее любых слов. Книги путешествовали по жизни, впитывали прикосновения чьих-то рук, на страницы капали чьи-то слёзы, они ловили улыбки и проникали сквозь взгляды в души и сердца... Обо всем этом она думала про себя, боясь напугать иностранца столь пространными размышлениями...

– Live book. Интересно...

– Да уж, поинтереснее, чем Live journal, – этот тип начинал действовать ей на нервы. – А где Вы так хорошо научились говорить по-русски?

– Mt. Anthony Union High School, а потом Russian Studies в Гарварде... Я влюблён в Вашу страну и в Ваш язык...

– Удивительно! – она никак не ожидала встретить на Канарах американца, влюблённого в Россию! – Хотите, подарю Вам эту книгу пред отъездом – она о России. Я так подозреваю, о той России, о которой Вы совершенно не имеете представления... – Вера отложила «Географа» в сторону. – А пока, думаю, мне пора освежиться.

Вера нырнула в бассейн. Её собеседник немигающим взглядом впился в планшет. Его лицо приняло задумчивое выражение, резко обозначились морщины на переносице и тело застыло в напряжении... Украдкой бросая взгляды в сторону привлекательного незнакомца, Вера подумала, что такой вид должен быть у человека, которому предстоит решить проблему мирового масштаба. Но она не могла даже догадываться о том, насколько не далека от истины.

Когда девушка вновь улеглась под тентом, американец, превратившись в беззаботного отдыхающего, спросил, почему она не со своими друзьями.

– Не моя компания, – Вера снова не знала, как объяснить, что имеет в виду.

– Понятно, – он понял или сделал вид, что понял. – А Вы уже были на Тейде?

– Ага. Даже в снежки играли...

– А хобби у Вас есть? Кроме чтения «живых» книг?

– Есть. Лошади. Кстати, не знаете, здесь где-нибудь есть лошади? Можно прокатиться?

Вера представила, как вечером, в красноватом свете заходящего солнца, в прохладных потоках окутывающих Остров воздушных течений размеренной рысью прогарцует вдоль берега, иногда слегка задевая кромку воды, чтобы мелкие брызги, мерцающая бриллиантовым блеском, разлетались в стороны... Мечта...

– Хм. Знаю. Но думаю, нам стоит сначала выпить на брудершафт и перейти на «ты». И будут Вам лошади!

– ОК, – предложение звучало заманчиво!

Он принёс со стойки открытого бара два коктейля. Они переплели руки и выпили. После чего он чмокнул её в щёку.

– А как тебя всё-таки зовут?

Она как-то и не подумала, что они ещё об этом друг друга не спросили.

– Вера.

– Beleief...

– Yes. Belief in the reality of miracles³... А тебя?

– Ник.

– Так что насчет riding horses, Ник?

– У меня друг один эмигрировал из Германии и организовал ранчо в горах. Я спрошу у него, когда нам удобнее подъехать. А ты как, хорошо держишься в седле?

³ Вера в чудеса...

– Да, – на всякий случай она решила умолчать о том, что в седле не сидела уже десять последних лет... Испугается ещё, что свалится, и передумает. – Кстати, а почему в английском языке нет обращения «Вы»?

– Не уверен, но мне кажется, что английское «You» – это вариация французского «Vous» – Вы. Если бы You было Ты, то тогда выражение "Ты есть" выглядело бы как You is, но ведь оно – You are... You ведь говорят не только одному собеседнику, но и двум тоже. Так что, получается, грамматически и логически – You это Вы. И в английском, вообще нет обращения на Ты...

– Никогда не слышала такой версии...

– А что русские думают об этом?

– Думаешь, русским больше не о чем подумать? – Вера рассмеялась. – А если серьёзно, русские думают, что у вас все общаются исключительно на «ты»... И с дворниками и с Президентом.

А ещё она рассказала ему о своих познаниях относительно местоимений в русской речи.

– У славян слово «вы» появилось только в 16-м веке. А до этого и к князю на «ты» обращались... А с тех времен на «ты» мы называем только близких, родных и друзей. На «ты» мы всегда обращаемся к Богу. Поэтому если кого-то русский человек называет на «ты», то это определенный шаг в сторону сближения!..

Ник улыбнулся.

– Значит, мы теперь друзья?

– Возможно...

Мужчина прищурился, с интересом разглядывая её зелеными глазами, в которых мелкими барашками бежали волны. А потом предложил допить коктейли в знак перехода на «ты».

– А ты знаешь, откуда этот обычай – пить на брудершафт?

Она знала, но отрицательно помотала головой. Что ж, раз ему хочется поразить её своими познаниями – она с удовольствием послушает... Тем более "Маргарита" уже разливается теплом по телу и пульсирует в висках...

Вера попросила его принести ещё – здесь-то уж она могла позволить себе расслабиться. Москва – вечные заботы и поездки за рулём – казалась далёкой и ирреальной. Пылающее солнце, голубая гладь бассейна и свежий вездесущий морской ветер, начисто уносивший из головы все мысли...

Она взяла коктейль из его рук. Когда-то булгаковская Маргарита казалась ей взрослой тётенькой с глупыми мечтами юной девушки. Теперь ей самой стукнуло тридцать... И она казалась себе девчонкой. Отражение в зеркале пока не убеждало её в обратном. «А когда начнёт – перестану одевать контактные линзы и очки» – подумалось ей...

Ник тем временем поражал своей осведомлённостью о происхождении слов и обычаев... Ни дать, ни взять профессор какого-нибудь университета. По-русски он говорил великолепно... и ни слова о политике, которая вмиг могла испортить невесомо-приподнятое настроение...

– Слово «брудершафт» произошло от немецкого «братство». Обычай пить на брудершафт происходит из глубокой древности – когда устанавливалось кровное родство между воинами, выпившими совместно из раны кровь. В средневековой Европе подобный обряд служил доказательством добрых намерений собравшихся за столом. И если чей-то бокал был отравлен, яд из одного бокала мог попасть в другой. Враги не рискнули бы...

– Брр. А может, это всё же придумали влюбленные?

– И такая версия есть. Но только тоже далеко не романтическая. После распития напитков, в случае если напиток одного из влюблённых был отравлен другим, то яд при поцелуе передавался обратно. Таким образом, продолжение жизни говорило о наличии любви.

– Или отсутствию ненависти – пришло ей на ум. А ум постепенно приходил в непотребное, расслабленно-мечтательное состояние... Прохладная жидкость горячительного напитка блуждала по нежащемуся на солнце телу...

– «... это Вы... тот самый кот, что садились в трамвай? – Я, – подтвердил польщенный кот и добавил: – Приятно слышать, что Вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта».

– *Цитируете «Мастера и Маргариту»?*

– *Мы снова на «вы»?*

– *Я от удивления...*

– «Любовь выскочила перед ними, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!»

Теперь настал его черед открыть рот. Любовь между тем стояла рядом и протягивала руку "Профессору", как Вера про себя уже успела окрестить иностранца.

– Любовь...

Он озадаченно посмотрел на Веру. Она рассмеялась.

– Моя подруга Люба...

– Beleife, Love – ну и имена у вас, у русских... – Просто Ник.

– Пошли обедать, Beleife. Смотрю, ты здесь не скучаешь.

Вера накинула тунику. Обернулась к своему неожиданному собеседнику.

– Ник, не забудь позвонить своему другу! Увидимся!

Девушки пошли обедать. Вере пришлось ухватиться за локоть подруги – с непривычки тело размякло, а ноги вообще отказывались слушаться... «Бог мой. Терпеть не могу пьяных... А сама-то хороша. Маргарита недоделанная...» – думала она по дороге, каким-то чудом заставляя себя не рухнуть прямо здесь.

– Люб, а почему в коктейле две трубочки? – этот вопрос интересовал Веру каждый раз, когда она заказывала коктейль, но ни один официант не мог дать вразумительного ответа. Поискать информацию в Интернете ей просто не приходило в голову...

– Точно не знаю, наверное, для того, чтобы пробовать разные слои коктейля, не смешивая их. Ну, ещё мешать проще... А твой американец не предлагал один коктейль выпить сразу из двух трубочек? – её глаза смотрели на Веру с весёлым прищуром.

– Нет, мы просто пили на брудершафт...

– Ого. И целовались?

– В щёчку... – она вспыхнула. – Ё-моё, идти тяжело...

– Если бы ты пила из двух трубочек одновременно – то напилась бы в два раза быстрее...и вы бы уже целовались! Это как-то связано с кровеносными сосудами. Вот!

– Эх, какая же ты умная!

– А ещё я знаю, что такое «Bitcoin»...

И они затянули песню «Горе ты моё от ума»... Two crazy russian... А Вере впервые за долгое время захотелось побыть немножечко «сразу». Надолго, правда, её не хватило – после обеда она завалилась спать и проснулась только от какого-то шума за стеной...

* * *

За стеной громко играла музыка. Вера взглянула на часы – стрелка приближалась к шести. Пора бы и ужинать собираться... All inclusive как-никак... Она с трудном вынырнула из постели. Голова раскалывалась... Мысленно посочувствовала своему горлу и достала из мини-бара банку ледяной колы...

Кое-как привела себя в порядок и вышла из номера. У Любы музыка не смолкала... На двери висела табличка «*Do not disturb*». «Ладно, ко мне это не относится», – подумала Вера и постучала в дверь. Впрочем, музыка так надрывалась, что услышать её стук, по всей вероятности, было просто невозможно. Она толкнула дверь.

Комната выглядела так, как у подростков после безумной вечеринки... пол был усыпан вещами, кругом – полупустые бокалы из-под коктейлей, сигары, разбросанные в художественном беспорядке... и уже знакомый Вере молодой человек в постели подруги.

За распахнутой настежь балконной дверью стояла Люба. Слегка облокотясь на перила, она затягивалась сигаретой с отсутствующим выражением на лице. Сзади стоял Алик. Его бёдра двигались в такт музыке.

Третий день отдыха удался!

Молодой человек № 1 откинул простыню. Он начал вставать с постели. Совершенно голый. И совершенно не стесняясь её присутствия, словно для него это было в порядке вещей. Вера залилась румянцем.

– Скажи Любе, чтобы зашла за мной, когда на ужин соберется! – постаралась сказать она как можно спокойнее, но даже закашлялась в конце.

– ОК – № 1, улыбаясь, смотрел ей прямо в глаза, совершенно не смущаясь абсолютным отсутствием какой-либо одежды на идеальном теле...

Вера выскочила за дверь. Жар заливал щеки и спускался ниже. Чёрт! Она даже пожалела, что все коктейли так стремительно выветрились из головы... Впрочем, на такой секс она вряд ли решилась бы... Вера тряхнула головой, совсем позабыв о том, что совсем недавно была уверена в своей ненависти к сексу в принципе.

Через полчаса подруга, как ни в чем не бывало, постучала Вере в дверь и позвала её на ужин.

Они набрали по полной горке салатов и примостились за столиком с краю, поближе к распахнутым настежь окнам. За окном сгущались сумерки.

– Ты бы хоть дверь изнутри закрыла – произнесла Вера. – В твоей компании принято по номеру расхаживать без штанов? – она упорно ковырялась в мидиях, не решаясь поднять глаза на подругу.

А когда их всё-таки подняла, увидела, как к соседнему столику идут, недвусмысленно обнимаясь, двое вполне нормальных мужчин... Она не нашла ничего лучшего, как снова опустить глаза в тарелку.

– Зачем? Табличку повесили – никто из посторонних не зайдет. А тебе не помешало бы приобщиться к нормальной жизни. Без извечных твоих «нельзя» и «не можно»...

– Я ничего против не имею... Но... Мне кажется, или ты не знаешь куда себя деть? Из-за Влада?

– Кажется, – теперь Любовь делала вид, что вся поглощена едой.

– А если честно?

– У Влада жена беременна, – Люба говорила, с трудом разжимая губы, будто ей что-то мешало. – Мне нужно было отвлечься от этих мыслей... Я так справляюсь со своими проблемами! – она взглянула прямо в глаза подруги. – Раньше всегда помогало...

Вера поняла, что сейчас не очень-то помогло.

Сидевшая напротив них парочка мужчин ворковала.

– Считаешь, что я поступаю аморально? – Люба в упор смотрела на подругу.

– Нет. Каждый волен выбирать... Вон, эти двое тоже выбрали. Не могу сказать, что мне приятно на них смотреть. Но, в общем и целом – это их право... Их личная жизнь. – Вера немного помедлила. – Наверное, я просто завидую. Тебе. Им. Я бы так не смогла... Ты права. Сплошные рамки. Ограничения. Правила. Догмы... Когда тебе с детства внушают, что такое хорошо и что такое плохо, трудно перестроиться потом.

– Может, присоединишься к нам в следующий раз? – подруга лукаво подмигнула.

– А что, и следующий раз будет? Тебе же не помогло...

– Авось, будет лучше.

– Думаю, нет. В смысле, я пас. Да и давай лучше съездим куда-нибудь. На «Ля-Гомеру» хорошая экскурсия, на целый день. Или слетаем на «Лансеротте»?

– Хочешь, езжай без меня. Я там уже была. Смотреть не на что...

– Я одна не могу... Максимум, на что меня хватает, это дойти до бассейна и плюхнуться с книжкой на шезлонг. Я ведь даже коктейль взять стесняюсь... Вечная скованность... Как будто кто-то укусит. И ничего не могу с собой поделать.

– Можно присесть? – Ник стоял рядом с подносом в руках.

– Конечно, – Вере моментально стало жарко.

– Я узнал. Можно поехать завтра, сразу после завтрака. Идет?

– Да!!!

– А куда вы собрались? И можно узнать номер Вашей комнаты и телефона, – сказала Люба. – Я за неё беспокоюсь...

Вера покраснела ещё сильнее.

– Конечно. Если нужно, и номер кредитки могу сообщить, – его глаза смеялись. – На лошадях поедem, проветримся в горах.

– Тогда ладно. Отпускаю. – Люба поднялась из-за стола и пошла за новой порцией морских деликатесов.

– А далеко ехать?

– Часа полтора. В горы. А ты точно хорошо сидишь в седле? – он с сомнением покоился на девушку, которая боялась одна поехать на экскурсию.

– Угу. То есть да.

Люба вернулась, неся в руках тарелку, доверху наполненную всякой всячиной. А Вера подумала, как подруге удастся столько есть и не поправляться ни на грамм... сама она со школьных времен прибавила уже килограмм семь. Но судя по огонькам, плясавшим во взгляде Ника, это было не критично...

– Ты уже спросила Ника, что он думает о сексе втроем, – Люба с самым невинным видом пожёвывала какого-то морского гада.

У Веры вытянулось лицо. Ник ответил просто, без тени смущения, как будто речь шла о чём-то обыденном, вроде посещения терапевта:

– Для себя я пришел к выводу, что это не мой вариант... Но если кому-то нравится – это его личный выбор.

– Правильный выбор, – покраснев, произнесла Вера и машинально сунула в рот креветку с его тарелки. Люба и Ник расхохотались.

– Ты прямо как ребенок... Можешь съесть их все – я ещё принесу.

Вера покраснела ещё больше.

– Мне тридцать два года. У меня двое детей. Я замужем и меня раздражают целующиеся мужики! – она выпалила это на одном дыхании.

– Завтрашняя поездка ещё в силе?

– Of course.

– Excellent! – Вера встала из-за стола и отправилась за своей порцией жареных королевских креветок...

Когда она вернулась, подруга болтала с Ником на идеальном английском, переходя иногда на столь же безупречный немецкий. А потом, вернувшись к родной речи, произнесла:

– Надеюсь, ты не откажешься с Ником посетить «Ля-Гомеру»?

Вере оставалось только согласиться. Тем более, что эти двое, похоже, всё решили за неё...

Вечером Вера долго не могла уснуть. Она думала о том, насколько же они с Любой разные. Хотя родились в одном году, в одной стране, в одном городе и одном районе. С семи лет ходили в одну и ту же школу. Их учили одни и те же учителя. И всё же...

Она всегда шла на полшага позади подруги. Взять хотя бы книги. Когда та в свои шестнадцать зачитывалась "Гарри Поттером", жизнь Веры была настолько заполнена учебой, что ей было не до детских «фэнтези». Она удивлялась, как такой взрослой девушке может быть интересна столь детская книжица! Однако, когда сама она познакомилась с Поттером, читая о его приключениях восьмилетней дочери, то буквально заболела им... Скупила всю серию книг и окунулась в магию и волшебство, представляя себя Гермионой Грейнджер...

Вместе с дочкой они заслушивали до дыр аудиокниги о Гарри Поттере, и в конце концов на осенние каникулы ребёнок отправился в детский лагерь «Тайны Хогвардса»...

Да, у неё была дочь. И маленький сын. И, наверное, второе детство...

Да, теперь ей стали доступны те развлечения, о которых она грезил в юности, стоя на остановке в двадцатиградусный мороз, дожидаясь единственного автобуса, который мог отвезти её в нужном направлении... Доступны – и оттого утратившие свою привлекательность в её глазах. Сегодня она имела возможность ещё раз в этом убедиться.

Секс с незнакомцем – пожалуйста! Нужно было только позвать его в свой номер. Или даже не звать, а просто остаться... Но нужно ли ей это?.. Оказалось, что нет.

Вера вышла на балкон. Под ногами плескался океан. Волны с шумом ударялись о берег. Прохладный морской ветер трепал волосы. Она раскинула руки в стороны. Это была свобода. Она вдыхала её полной грудью. Звезды, мерцая ярче неоновых огней, заставляли задуматься о природе человека, природе его желаний и поступков. Казалось, сама Вселенная размытыми серебряными пятнами смотрит ей прямо в глаза и ждет ответов.

Две её противоположные сущности начали бесконечный внутренний диалог, два непримиримых ангела, выглядывая из-за плеч, затеяли нескончаемый спор...

В юности она часто заходила в церковь. Её смущали строгие порядки и правила. Ей казалось, что они отпугивают людей. Но в театр ведь тоже не придешь босиком? А с другой стороны, если к Богу можно обращаться на «ты», почему нельзя зайти в церковь, когда едешь с работы и нет с собой головного убора? Кто и зачем придумал это? Стоять определенным образом, идти к определенной иконе... Ей казалось, что Бог услышит, где бы ты ни находился, просто в церкви обращаться к Нему проще...

Она не любила правила, впивавшиеся в неё, как инородные тела, и с детства впитанные ею. Но, тем не менее, они так прочно укоренились в ней, что теперь было сложно не осуждать подругу... Ей вспомнилось про бревно в своем глазу, и она подумала о мыслях.

Бог ведь и за мысли судит. В отличие от людей. Её мысли были заняты "Американцем" или "Профессором", как они окрестили Ника и называли его в разговорах между собой. Впрочем, он больше, чем иной славянин, походил на русского...

Вера налила "Мартини" в высокий стакан. Добавила апельсинового сока. Вспомнила, что алкоголь несовместим с её таблетками и решила с завтрашнего дня прекратить их принимать. На время. Время на Острове. Медленно смаковала напиток, растягивая мысли о нём...

... Темнота. Вера идет по извилистому коридору, погруженному во мрак. Под темными, закопченными сводами. Под ногами хлюпает липкая темная жижа. Неприглядность

картины освещают свечи. Множество маленьких огоньков, мерцающих в темноте. Прогоняющих тьму и вместе с тем открывающих сущность и ужас окружающего... Что-то мешает ей идти. Крылья. Её крылья задевают о низкие своды пещеры. Одно из них мелькает белизной, другое – чернее ночи. Она непроизвольно взмахивает ими – и от порыва ветра свечи разом угасают...

Отблески света ещё некоторое время мечутся под сводами. И наступает непроглядная тьма. Как ни странно, идти становится легче. Да и зачем ей свет? Дорога-то одна. Она не думает о том, что где-то может быть развилка, и она пройдет мимо, не заметив нужного поворота. Где-то в подсознании звучит голос – дорога всего одна. Крылья продолжают мешать.

Она представляет, как они превращаются в пыль. Исчезают, сливаясь с мраком. Они действительно исчезают, растворяясь в туманной, тёмной дымке...

Она идет. Не оглядываясь. Под ногами продолжает что-то хлюпать. Она не замечает. Это что-то – тёплое и приятное на ощупь. Совершенно не страшное. Нужен свет, чтобы увидеть извивающиеся липкие щупальца... Нужен мрак, чтобы их не видеть...

Свет брезжит где-то впереди. Кто-то все же провел её по запутанному подземному лабиринту. Вывел куда нужно. Куда нужно? Она не знала. Просто шла. Лучи солнца высветили неприглядную картину вокруг. Она увидела – и ужаснулась. А если бы видела раньше – прошла бы? Наверное, нет. Во всем присутствовал смысл. Невидимый, непостижимый смысл, открывший ей путь на воздух...

Вера вышла на зеленую лужайку. Бескрайний простор. Синее небо. Она шла дальше. Древние языческие капища. Православные храмы.

Потёртые от времени, пропитанные звоном колоколов, свободные от людей и распахнутые для них Богом. Свободные от условностей. От правил. На ней не было платка. Только белое, до земли, платье. Всё заляпанное грязью.

Она не рискнула зайти в храм. На ней не было платка. Снова условности... И она в их плену.

Шла дальше, как сквозь пелену, мимо мечети и синагоги. Мимо буддийских дацанов. Шла к руинам, не подвластным времени развалинам древнейших цивилизаций...

Он встретил её здесь, под тенью древней оливы. На лбу у него выступили капельки пота. Как от долгой и утомительной работы. Рядом протекал ручей. Воин оборвал ей подол платья до той длины, где не было следов грязи, умыл в ручье её ноги и обтёр их. На нём было одеяние легионера римской империи, насколько позволяли судить её смутные познания в истории.

Он прижал девушку к себе. Её одежды таяли. Сливались с воздухом. Растворялись в сиянии солнца. По венам струилась раскалённая лава. Сколько ни бегай, – от себя не убежишь. Её природа, подобно древнему вулкану, который спал, – и вот теперь он набирает силу... Лава давила изнутри, готовая вылиться наружу и сжечь всё живое вокруг...

Он целовал её. Долго и нежно.

Вера проснулась. Кто-то стучал в дверь. Она решила, что это Люба, и открыла, даже не спросив, кто.

Это был он. Император Рима.

Вера очутилась перед ним в одной белой футболке, наполовину сползшей с плеча, расстрёпанная, сонная, не проснувшаяся до конца и не пришедшая в себя после ночного путешествия.

Ник улыбался.

– Ну как, мы едем?

– Да, я быстро, – девушка захлопнула дверь перед самым его носом. – Подожди меня в столовке, ладно?

– Где?

– В ресторане!

Вера уже лихорадочно носилась по номеру, соображая, что ей надеть.

"Чему вовсе не быть, так того не сгубить, тому нету конца на земле"⁴, – отчего-то не переставая звучало в ушах...

* * *

Они довольно долго петляли в горах. Пейзажи за окном мало напоминали красочные картинки рекламных постеров. Горы. Сухая, потрескавшаяся, коричневая земля. Тонкие стебельки пожухлой, пожелтевшей, редкой растительности. На Кавказе горы пестрели красками, расцвеченные буйной зеленью трав, цветов и деревьев, и среди них причудливыми извилистыми линиями струились ледяные ручьи и бежали прозрачные реки. И всё же, там не было толп туристов... Ей снова сделалось грустно за собственную страну.

Он читал её мысли.

– У вас, в России, такая красота. А устроить так не можете, чтобы люди хотели её увидеть.

– Может, это и к лучшему, – подумалось Вере. Зато это наша земля. Только наша...

Они приехали на ферму. В отдаленной горной местности. Но даже здесь был wi-fi, приличный, чистый туалет, электричество и водопровод. Ровная, гладкая, идеальная дорога.

Какие-то люди седлали лошадей. К ним подошел невысокий, молодой ещё мужчина, и přátельски похлопал Ника по плечу. Протянул Вере руку.

– Бен.

– Вера.

– Ок. Are you sure? You can ride?

– Yes.

Вера наивно полагала, что они с Ником немного прокатятся небыстрой рысью в окрестностях и вернутся на ферму. Ник общался с Беном, и большей части того, о чём они говорили, Вера не понимала. Она отправилась общаться с лошадьми. Здесь не существовало языковых барьеров.

Вскоре подошли ещё несколько человек. Вере показали приготовленную для неё лошадь. Выдали шлем. Девушка пыталась отказаться, но без него ехать не разрешалось.

Группа из десяти всадников выстроились в цепочку. Бен скакал первым. Ник ехал за Верой. Сначала они мирно топали по узкой тропинке, которая шла ровно, а затем круто спускалась вниз. Девушка помнила, что в таком случае нужно отклоняться назад. Его взгляд обжигал ей спину.

Потом Бен крикнул что-то типа «Хей», и лошади, как по команде, а вернее, точно по команде, потрусили рысью. Вера крепче сжала ноги, представив, что между коленями и крупом лошади зажаты золотые монеты. Давно забытые ощущения всколыхнули память. И сердце. Постоянный ветер – неизменный спутник отдыха на Тенерифе – спутывал мысли. Обострял чувства. Обтёсывал ощущения.

Камешки из-под копыт то и дело летели вниз, к подножию скалистых утёсов. В пропасть. Справа от тропинки уходила вниз отвесная поверхность скалы.

«Хоп!» – и неожиданно лошадь перешла на галоп. Одной рукой удерживая поводья, Вера вцепилась в гриву, пытаясь в единое целое слиться с телом лошади. Ноги болели. Камни с грохотом сыпались вниз. Ветер свистел в ушах. Стальной корпус фотоаппарата больно ударялся о грудь.

– Are you OK? – спросил Бен.

⁴ "Пикник", "Египтянин"

Вера улыбнулась как можно беззаботнее. За её спиной раскрывались невидимые крылья, а сердце захлёбывалось свободой и восторгом!

– ОК!

Она неслась вслед за другими. Лошадь знала эту тропу. Ей не о чем волноваться. Океан плескался у подножия гор, разбиваясь в мелкие, сверкающие и резвящиеся на ветру капли. Шум волн был слышен даже здесь.

– Обернись на секунду! – кричал ей сзади Ник.

Вера обернулась. Он моментально щёлкнул её. Американец так непринуждённо и просто сидел в седле, что она невольно восхитилась им. Он был хорош не только в образе римского императора. Где-то раздался выстрел. Лошадь под ней резко дернулась в сторону. Пришлось покрепче вцепиться в гриву...

Ветер бил в лицо. Казалось, он хотел ей что-то сказать – напомнить что-то важное, но давно забытое... Вера не могла разобрать слов... Но ветер не отставал, наполняя силой крылья и нащёптывая пророчества. Он знал, что когда-нибудь она снова сможет разговаривать с ветрами... и не только разговаривать... Среди сплошного потока неясных фраз Вера смогла разобрать только имя. Маргарита...

Всадница тряхнула головой, обрывая невидимую связь. Неужели, она так счастлива, что сходит с ума? Мысли путались в голове. В ней словно пробуждалось что-то... дремавшее до поры.

Она попыталась переключить внимание на пейзаж вокруг. Горы. Всё те же пыльные, безжизненные горы. Бесконечное синее небо. Сухая корка земли. Пучки иссохшей травы. Редкие кустарники.

Будто сквозь пелену, Вера услышала громкую команду Бена, и лошади встали, как вкопанные. Ник объяснил, что остановка нужна, чтобы перевести дыхание и попить воды. А потом – обратно, на ферму.

– И когда ты последний раз ездила верхом?

– Лет десять назад, – сказала Вера, не подумав. Все её мысли были заняты тем, чтобы заставить себя вернуться из мира фантазийных бесед в реальность. Земля под ногами помогала, приземляя...

– Предупреждать надо было! – ответил Ник и оставил её наедине с лошадыю.

Вера чмокнула животное в мягкий бархатистый нос. Подумать только, в средние века из них делали чучела и украшали дома! Лошадь фыркнула и обдала Веру волной тёплого воздуха.

Обратно шли шагом, иногда переходя на спокойную рысь. Вера сердито оглядывалась на Ника. По всей вероятности, его рук дело!

По дороге к отелю они заехали перекусить в придорожное кафе. Ник пил пиво. Говорил, что здесь можно. Она тоже решила не отставать... Машину он оставил на парковке, не закрывая окон. Здесь это в порядке вещей.

Аппетитные сэндвичи сами просились в рот... Прощай, диета! Впрочем, ей совершенно неожиданно пришли на ум слова Александра Васильева, историка моды, который говорил, что "Лучшая диета – это вечером кекс, а ночью – секс. Если не помогает – мучное отменить"...

– Как впечатления?

– Супер! Я, правда, сначала испугалась немножко, думала, что свалюсь!

– Вообще-то я тоже испугался, когда увидел, как ты вцепилась в бедную лошадь!

– Им не больно, когда их за гриву держат! Я точно знаю!

– Кто бы сомневался, – он хитро улыбнулся, а она чуть было не поперхнулась, услышав его следующую фразу. – Как думаешь, в чем разница между эротикой и порнографией?

– Не знаю, – Вера судорожно пыталась прожевать остатки сэндвича. Вот оно – возвращение в реальность! – Наверное, в эротике все красиво. Она поэтична. Порнография... это проза. И она не всегда эстетична... а ты с чего это вдруг?

– Знаешь, женщина, которая ест с аппетитом, вызывает у мужчин эротические фантазии... мысли всякие. Я думаю, эротика замешана на чувствах и чувственности, порнография – на физике и физиологии... Кстати, а что тебе снилось сегодня?

– А почему ты спрашиваешь? – Вера снова невольно покраснела, вспомнив *что* именно ей снилось и в каком виде она предстала перед Ником с утра. Каждый фантазирует в меру своих возможностей...

– Тебе неловко говорить об этом? – его явно развлекала её стеснительность.

– В общем, да. Я бы сказала, это слишком интимно. Ты задаешь чересчур личные вопросы... А между тем мы знакомы всего второй день.

– Да, но мы пили на брудершафт, – он наслаждался своей уверенностью в себе и её замешательством...

– Можем ещё раз выпить, – Вере хотелось перевести всё в шутку. Впрочем, это и так была шутка. Ему нравилось дразнить её. Что ж. Несмотря на всё своё смущение, она найдет, чем ему ответить...

В этот момент позвонила Люба. Она уже начала волноваться, всё ли в порядке. «Да, скоро вернусь», – ответила Вера.

Ник пристально смотрел ей в глаза.

– Нам снятся одинаковые сны...

– Нам. Пора. Ехать. Люба уже волнуется. Ещё полчаса – и твоя машина будет в розыске! – Вера решила, что больше не позволит ему выбить себя из колеи сомнительными вопросами и словечками с двойным подтекстом...

Вечером Люба отправилась в казино, а Вера решила прогуляться по набережной. Одна.

Она шла вдоль моря, среди зелени, глядя на разбивающиеся о камни волны. Кругом зажигались огни, расцвечивая темноту. Прошла многолюдную зону ресторанчиков и магазинов и направилась дальше, в направлении Лос Кристианоса...

Вечерами становилось прохладно. Она одела джинсы и тёплый вязаный свитер. Волосы собрала в хвост. Медленно брела по мощеной дорожке, вспоминая необычный сон, а в ушах звучал приглушённый шёпот ветра... Витрина затерянного среди камней магазинчика привлекла её внимание. Она заглянула внутрь.

Много серебряных штучек и безделушек. Серёжки, кольца, украшения, часы, с разноцветными блестящими камешками. Золотые цепочки и кулоны лежали в самом незаметном углу лавки... Её внимание привлек кулон в виде сердца. К сердцу прилагался маленький золотой ключик на цепочке...

– Отличный выбор, – Ник стоял прямо у неё за спиной и протягивал деньги продавцу. – В качестве компенсации за моё сегодняшнее поведение...

– Спасибо, обойдусь.

– Do you have the same?⁵ – спросила она продавца на своем ужасном английском.

– Sorry. It was the only one!⁶

– It's a pity!⁷

Вера вышла в вечернюю прохладу. Её щеки пылали.

– Ты же боишься выходить одна из отеля?

⁵ У Вас есть ещё такая же?

⁶ К сожалению, такая всего одна.

⁷ Жаль.

– Снова издеваешься? Пребывание здесь идет мне на пользу. Больше не боюсь, – она злилась на него.

Остановилась на одной из смотровых площадок, расположенных прямо над океаном, бьющимся среди камней. Ник осторожно повесил кулон ей на шею. Она развернулась и уткнулась носом в его плечо. Оставалось только поднять глаза...

Остров накрыла темнота. Яркие, разноцветные огни сливались в сплошные потоки света, опоясывающие Остров и неровной каймой уходившие вглубь, прямо в горы...

Её сердце летело на камни. Билось среди волн. Захлёбывалось и барахталось в них. Шум крови сливался с шумом разыгравшихся волн, захлёстывая сознание, обнажая чувства. Когда Ник отстранился, у Веры возникло ощущение, будто она только что вынырнула из теплого моря и стояла на пронизывающем ветру. Её бил озноб.

– Мы не должны этого делать, Ник...

Он не дал ей договорить. Вокруг сгущались сумерки. А они так и стояли, обнявшись, на пристани...

Обратно шли молча. Да и к чему слова? Солёный вкус поцелуев напомнил ей о том, что она не только домработница, прачка, посудомойка и няня... Она вновь почувствовала себя Женщиной... ей хотелось сберечь в себе это ощущение и привезти в Москву, привнести в свою жизнь и никуда уже не отпускать...

Тем не менее, она сказала «Good night» и захлопнула перед его носом дверь в свой номер. И в свою постель. Но не в свой мир...

На следующий день Вера оплатила экскурсию на «Ля-Гомеру». Она всю жизнь чему-то училась. Теперь она училась быть самостоятельной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.